

Трудно найти страну, где власть чиновника так же велика, как в России. В последние годы этот слой активно возвращает себе утраченные было позиции. Российское чиновничество обрело политическое представительство и монополию на лидерство в лице «Единой России». Все это показывает, как недалеко Россия ушла от своего крестьянски-крепостного «вчера». Ведь господство бюрократии коренится в традиционном для страны «восточном деспотизме».

КОРНИ

На первый взгляд, царская Россия не была бюрократическим государством. В 1912 году вышла книга Н.Рубакина «Россия в цифрах». Там есть такая статистика: в Бельгии на 10000 жителей приходилось 200 чиновников, во Франции – 176, в Германии – 126, в США – 113. В европейской России этот показатель составлял всего 62. Автор прокомментировал приведенные цифры: «Из этой таблицы видно, что Россия – страна относительно малочисленная и если страдает от развития бюрократии, то не от количественного, а от качественного». Была подчеркнута и разница в методике подсчета чиновников в разных странах. Тем не менее, понятно, что влияние чиновников в России не пропорционально их численности. Не случайно К.Маркс и Ф.Энгельс относили Россию к числу «восточных деспотий». То есть государства, где диктаторская власть правителя стала неизбежным дополнением к множеству обособленных крестьянских общин. Именно власть деспота была необходима, чтобы собрать разбросанных на огромных пространствах и замкнутых на своих полях крестьян в единый национально-государственный организм.

В работе «О социальном вопросе в России», полемизируя с русским народником Петром Ткачевым Энгельс отмечал: «Русский крестьянин живет и действует только в своей общине; весь остальной мир существует для него лишь постольку, поскольку он вмешивается в дела его общины. Это до такой

СЛУЖБА ТАКАЯ...

степени верно, что на русском языке одно и то же слово мир означает, с одной стороны «вселенную», а с другой – «крестьянскую общину». Ves' mir, вес мир означает на языке крестьянина собрание членов общины. [...] Подобная полная изоляция отдельных общин друг от друга, создающая по всей стране, правда, одинаковые, но никоим образом не общие интересы, составляет естественную основу для восточного деспотизма; от Индии до России, везде, где преобладала эта общественная форма, она всегда порождала его, всегда находила в нем свое дополнение. Не только русское государство вообще, но даже его специфическая форма, царский деспотизм, вовсе не висит в воздухе, а является необходимым и логическим продуктом русских общественных условий, с которыми он, по словам г-на Ткачева, «не имеет ничего общего»!»

Стихийно все это понимали сами крестьяне. Именно потому они веками платили более-менее искренней любовью и преданностью «царю-батюшке». Хотя и ненавидели при этом местных царских чиновников, как будто деспотизм последних не был лишь продолжением власти верховного деспота...

В упомянутом произведении Энгельс так же пишет: «Русский народ, этот «революци-

онер по инстинкту», устранял, правда, бесчисленные разрозненные крестьянские восстания против дворянства и против отдельных чиновников, но против царя – никогда, кроме тех случаев, когда во главе народа становился самозванец и требовал себе трона».

Показательно и мнение Маркса: «Парцеллярная собственность по своей природе представляет собой почву для всемогущей и бесчисленной бюрократии. Она создает одинаковый уровень отношений и лиц на всем протяжении страны. Она делает поэтому возможным равномерное воздействие на все части этой однообразной массы из одного высшего центра. Она уничтожает аристократические промежуточные ступени между народными массами и государственной властью. Она вызывает поэтому всеобщее прямое вмешательство этой государственной власти и проникновение всюду ее непосредственных органов. Она создает, наконец, незанятое избыточное население, не находящее себе места ни в деревне, ни в городе и поэтому хватающееся за государственные должности как за своего рода почетную милостыню, и заставляет увеличивать число государственных должностей». («Восемнадцатое брюноера Луи Бонапарта»).

Именно с капиталистическим разложением крестьянской общины все более слабела, а в начале 1917 года рухнула власть царя. Взамен нее во многом еще общинно-крестьянская страна могла создать только новый вариант восточной деспотии – сталинскую «монарию». Последняя уже была адаптирована к задачам индустриального развития страны и вела дело к изживанию крестьянства как класса – к его массовой пролетаризации. А это, со своей стороны, размывало историческую почву «восточной деспотии», что, конечно, неравнозначно ее моментальному исчезновению.

УМ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ

Новая – «советская» модификация восточной деспотии, естественно, нашла олицетво-

рение в новом слое чиновников, часто рабоче-крестьянского происхождения. Правда, на сущности советского чиновничества его происхождение практически не сказалось. Оно быстро скопировало все гнусности своих предшественников, тем более, что многие из этих предшественников относительно легко переключались в новый госаппарат.

За постоянством служебных, да и личных качеств чиновников, конечно, стоит социальная суть этого слоя: «Все эти трансцендентные занятия, искони пользовавшиеся почетом, - государь, судьи, офицеры, попы и т.д., - вся совокупность порождаемых ими старых идеологических сословий, все принадлежашие к этим сословиям ученые, магистры и попы... экономически приравниваются к толпе собственных лакеев и шутов буржуазии, которые содержатся ею и представляются праздного богатства - земельным дворянством и праздными капиталистами. Они просто слуги общества, подобно тому как другие - их слуги. Они живут на продукт труда других людей. Поэтому их число должно быть сокращено до неизбежного минимума. Государство, церковь и т.п. правомерны лишь постольку, поскольку они являются комитетами для управления общими интересами производительных буржуа или для обслуживания этих общих интересов, и затраты на эти учреждения должны быть сведены к самому необходимому минимуму, так как сами по себе они относятся к faux frais [чистым издержкам – ред.] производства» (Соб. соч. Маркса и Энгельса, т. 26, ч. 1, с. 296-297).

Чиновники были посередине между производителями зерна крестьянами и его потребителями-рабочими, а значит, посредники неизбежных классовых трений между участниками рабоче-крестьянского блока. Они и стали одной из главных точек опоры для власти, которая была вынуждена какое-то время лавировать между интересами крестьянина и пролетария. Но итогом этого лавирования стало утверждение собственных интересов чиновничества, выдвигание его в господствующий слой общества.

(продолжение на стр. 6)

ОПЫТ

Чиновники работали за пределами коммуны. Бесплатное питание в общей столовой частично или полностью становится платным. А сами столовые порой превращаются в частные кафе. Кибуц оплачивает коммунарам все меньшую долю коммунальных услуг и расходов на лечение. Все чаще жилье продается людям извне. Целые улицы в кибуцах строятся специально на продажу. Это стало значимой частью кибуцных заработков и превращает коммуну в обычное сельское поселение. Кроме того, жилье части коммунаров после их смерти переходит родственникам-некоммунарам.

К 2007 году коммуны с традиционной уравнительной оплатой труда составляли менее 30% всех кибуцев. А с дифференцированной и смешанной – более 70%. Часть коммун была преобразована в кооперативы, а часть даже приватизирована и прекратила существование. Инициаторами рыночных перемен чаще всего выступают наемные менеджеры и коммунары, работающие на стороне. Однако решение принимается только всем коллективом...

Ответной реакцией на все это стало движение кибуцных «ортодоксов». Они хотят восстановить прежние отношения. Сейчас это течение поддерживает примерно треть коммун и почти половина коммунаров. Но если смотреть правде в глаза, максимум, что им удастся сделать – несколько затормозить разложение кибуцев и «заморозить» несколько коммун в первоначальном виде.

Итак, кибуцы в очередной раз подтвердили предвидение Маркса: «...только вместе с универсальным развитием производительных сил устанавливается универсальное общение людей, благодаря чему, с одной стороны, факт существования «лишенной собственности» массы обнаруживается одновременно у всех народов (всеобщая конкуренция), - каждый из этих народов становится зависимым от переворотов у других народов, - и, наконец, местно-ограниченные индивиды сменяются индивидами всемирно-историческими, эмпирически универсальными».

Без этого 1) коммунизм мог бы существовать только как нечто местное, 2) сами силы общения не могли бы развиваться в качестве универсальных, а поэтому невыносимых сил: они остались бы на стадии домашних и окруженных суверенными «обстоятельствами», и 3) всякое расширение общения упразднило бы местный коммунизм.

Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное «сразу», одновременно, что предполагает универсальное развитие производительных сил и связанного с ними мирового общения». («Немецкая идеология»).

Ранее это было доказано опытом СССР, Китая и других «соцстран». В этом же направлении движутся Куба и КНДР, хотя и с разной скоростью.

Тем не менее, именно кибуцы продвинулись дальше других в создании механизма коллективного производства и потребления. Через этот механизм прошли сотни тысяч людей, а сам он существует 100 лет и полностью не разложился до сих пор. Какую же жизнеспособность смогут проявить производственно-потребительские коммуны в рамках уже не местного, а глобального коммунизма!

Недавно исполнилось 100 лет с тех пор, как 12 выходцев с Украины основали в Палестине коммуну «Дгания» - «василёк». Ее принято считать первым израильским кибуцем. Со временем кибуцы стали плацдармом для заселения евреями Палестины, социально-экономической почвой для еврейского национализма. А вместе с тем – крупным и устойчивым во времени производственно-потребительским механизмом, организованным чуть ли не по-коммунистически. В конечном счете, движение разделило участь, предсказанную К.Марксом «местным коммунизмом». Но когда встанет вопрос построения уже глобального коммунизма, история кибуцев будет настольной книгой его строителей.

ДОРОГОЙ МЕСТНЫХ КОММУНИЗМОВ

Сегодня в Израиле существует более 250 кибуцев. В них живет более 100 тысяч человек. Но только половина их них – члены или кандидаты в члены кибуцев. Коммуны располагают большой сетью современных промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Значительная часть произведенной там продукции идет на экспорт. Причем промышленное производство постепенно вытесняет аграрное. Кибуцы являются совладельцами торговых сетей и международных корпораций, создают различные межхозяйственные объединения, ведут жилищное строительство, действуют в сфере услуг и развлечений.

Кстати, производительность труда на кибуцных предприятиях вполне на уровне капиталистических фирм, а часто и превышает ее. Это хороший ответ тем, кто заявляет, что без частного собственника эффективное производство невозможно!

Внутреннее устройство кибуцев до недавних пор основывалось на решениях общих собраний и уравнительном распределении заработанного. Даже если член кибуца работал за пределами коммуны, его заработок шел в ее кассу. На руки работник получал лишь небольшую сумму на мелкие расходы. Остальное – через общественные фонды потребления.

Руководство производством, жилищно-коммунальными делами и организацией быта осуществляли избранные управленцы. Каждый со временем обязательно должен был сменитьсь. До 1960-х годов вообще широко практиковалась постоянная перемена кибуцниками рабочих мест и общественной деятельности.

В первые десятилетия существования Израильской коммуны пользовались определенной поддержкой государства. Тем более, что его политическая элита во многом формировалась из самих коммунаров. Но когда становление еврейского государства завершилось, местная буржуазия вполне сформировалась, а захваченные у арабов земли были под надежным контролем, ситуация изменилась. Политическое влияние стало уходить от ком-

мунарских лидеров к вождям буржуазии. Последние объявили коммуны нахлебниками и повели дело к ограничению их экономического и политического влияния.

Конфликт усугубило то, что большая часть кибуцев изначально создавалась левыми сионистами. Они мечтали не столько о возрождении древнего Израиля, сколько об устройстве нового Израиля на коммунистических или хотя бы социалистических началах. Потому и создавали коммуны. Эта традиция сохранялась довольно долго, что позволяло буржуазии спекулировать на левизне коммунаров.

Но, несмотря на изначальные устремления создателей, кибуцы неизбежно подвергались разлагающему влиянию рыночных отношений. При всей своей ориентации на коллективизм, они стали составной частью капиталистического хозяйственного механизма...

Коммунарские предприятия были вынуждены конкурировать с окружающими их капиталистическими фирмами. Это остро поставило вопрос эффективности производства, а значит и управления. Выборные директора, а вместе с ними производственная демократия, постепенно отступились управленцами, нанятыми из рыночной среды или подобными специалистами из самих кибуцников. Как и в Советской России после Великого Октября, начала формироваться каста профессиональных управленцев, которые если еще не живут, то могут жить богаче остальных.

Автор интереснейшей книги «Кибуцы» Борис Дубсон приводит любопытное мнение жительницы одной из коммун: «Небольшое число семей занимает ключевые посты и частично передает их по наследству. Эпоха честности закончилась, отныне нет необходимости смотреть сквозь пальцы на роскошь, в которой живет часть кибуцных семей».

В книге есть и другой показательный отрывок о «номенклатуре»: «Ее составляла стабильная группа членов коллектива, сменяющих друг друга на постах руководителей, начиная с секретаря кибуца, координаторов

хозяйства и отдельных отраслей и заканчивая директором кибуцкого или одним из менеджеров регионального завода. (...)

Вместе с тем по мере усложнения кибуцкого хозяйства возникли различия в статусе руководителей отраслей производства, с одной стороны, и прочих руководителей, занятых в социальной сфере кибуца, - с другой. (...) Кибуцные хозяйственники постепенно вышли на первые роли не только в коллективе, но и в самой номенклатуре».

Конкуренция с окружающим капиталистическим миром заставляла кибуцы в 60-70 годы прошлого века брать многочисленные и «дешевые» тогда кредиты. В 1980-е годы экономическая ситуация изменилась и это поставило многие кооперативы в зависимость от банков, подорвало их платежеспособность. Именно с этого момента начался явный закат кибуцкого движения...

Но коммуны разлагают не только экономическая конкуренция. Первые кибуцы жили очень бедно. Случалось, что один коммунар встречал другого на автобусной остановке, чтобы взять его обувь и в ней ехать в город. Но со временем в коммуны пришел достаток. В изобилии были не только еда и одежда. Многие кибуцы обладали просторным жильем, автомобилями, бассейнами и т.д. Словом, все необходимое коммунары имели. Но капитализм – это бесконечная гонка потребления. А в коммунах оно было все же ограничено усредненной нормой «пайка» и определенной однотипностью предлагаемых предметов и услуг. Новые поколения коммунаров уже не хотели мириться с тем, что, скажем, автомобиль был в их распоряжении не круглосуточно, а только в порядке очереди. Или с тем, что поездки за границу кибуц оплачивает реже, чем им хотелось бы, и т.п. Все это способствовало оттоку молодых людей из коммун и переходу самих коммун к потреблению на индивидуальную-рыночную основе. В частности, доход работающих на стороне коммунаров стал все более зависеть от их зарплаты.

Сегодня в кибуцах широко и вполне по-капиталистически применяется наемный труд. На территории коммун все больше мелких и средних частных предприятий. Как уже говорилось, значительная доля кибуц-

